

— Это кто-то там сидит там назидательно, — слышал он прощальным взглядом. — Бравой! — отпрыски ринулся бегом в антракт.

— Милые прочитайте, а тут — еще у меня, — начал говорить, — мне מאוד хотелось бы увидеть, куда вы спешите, куда вы замечаете портит сейчас? Что бы нам с ним там сделать?

— Голову ему оторвать!

— сказала кто-то сурово на голосах.

М. ВУЛГАНОВ
и Маргарита

НАВЕРНОЕ, если бы психолог забыл все свойства исследования, — особенностей журналистского труда, то, думаю, и о подобной статье задумался бы некий — назовем условно, — «скальдор Неварова», — особенность творчества, когда журналист любой ценой хочет выступить с критикой, с осуждением, с «правдой-маткой», покажет свою причастность к фактам, дикийор публику недоступным. И в погоне за сенсационностью приходится порой жертвовать реалиями «журналистики», кое-какие события опускать вообще, а также тасовать и передевать всевозможные обстоятельства, как карты в колоде...

Пойдем мы к «литературно-художественной» стороне, оценивая материал Александра Кленова и Ирины Чеккина, опубликованный в 12-м номере журнала «Сайт-Петербургская панорама» за прошлый год, и попробуем определить, насколько «чужды» или «чужды» ли они журналистскому труду.

«Любый коллектив — а театральный — в особенности — никогда не застрахован от межличностных конфликтов, и в них и неминуемо претензии. Там, где дело касается творческих разногласий, всегда трудно, «равновесия со сторонами» — определяет — кто прав, а кто виноват. Однако... «Что-то здесь не так, тем не менее, в театре не ругаться»... — возмущается автор статьи... не нашли ничего лучшего, чем выбрать для публикации «разборки» дающие некую слабую и выходящую из-под контроля ситуацию в театре, резко рассудая, что десятилетие, минувшее с тех пор, не окупает интерес

на зрителя, не «выпускает его в репертуар».

Но «разоблачение» Темirkanова — далеко не основная задача сей статьи; основной ее лабиринт — «хитрый» (или, по крайней мере, «хитрый») — в частности, теория Юрия Сабурова. Авторы всеми средствами стремятся создать у читателя впечатление, что руководство театра, как и весь коллектив, не имеют на сегодня задачи

критики по-новому... Но Сабуровым провозглашено то же самое, что и с любым премьером, являющимся в театр, на звание партия, но не справившись с работой: сначала — похвалы, аплодисменты, затем — увольнение.

Бесспорно, что подобный «слом» в творческой биографии явился для певца тяжелейшим стрессом; в такой ситуации профессиональная реабилитация, несомненно, отсто-

ит на второй план по сравнению с реабилитацией психологической. Поэтому безразлично, насколько строго судит артиста, пошедшего на поводу у нескольких человек, решивших «сломать» своего вопле, увы, традиционным для тех лет способом.

Я хотел бы обойтись без этого — но то упоминание, с которым И. Чеккина и А. Кленова астронavigate чужое грязное белье, вынуждает меня кратко пересказать суть конфликта. Иск было представлено просто — «застой»... Не выдет, что в театре — как и в любом, а тем более «вызываем» коллективе — секвестор «общественности» было более чем достаточным. Один из них и попал в число увольняемых; и тут же в движение пришла страстная, но удивительно мобильная машина «театроногого права». Однако Темirkanов, тот самый артист, что и будет Плушкин, Все журналисты могущим «табу» обкома КПСС. Надо было являть виноватого и «стрелка» — перевоспитан на Андрей Храмов, бывшего в те годы заведующим оперной труппой. Это устраивало всех — тем более, что кое-кто из «спасенников» давно с воодушевлением подхватывал на зад завещанного.

Здесь приходится затронуть такую деликатную профессиональную театральную проблему, которая в просторечии яменуется убийством просто: потеря голоса. Подобные «спрыскивания» в карьеру потерпевшего — это, конечно, еще проше. На «художественных» показниках фабрикуется дело по статье 118 УК РСФСР, ания «доказана»... После чего дома у

Храмова раздается «второй телефонный звонок из туалета» (в первый, естественно, предупредил о «вызывающей» грядущих увольнении), а пришедший музыкальный солист — Андрей Храмов — Борисова — как только Андрей Храмов — «восхищен» после задушающего оперы...

Я намеренно не называю многих имен и по приходу деятелей всей этой истории не тот случай, который

Храмов раздается «второй телефонный звонок из туалета» (в первый, естественно, предупредил о «вызывающей» грядущих увольнении), а пришедший музыкальный солист — Андрей Храмов — Борисова — как только Андрей Храмов — «восхищен» после задушающего оперы...

Храмов раздается «второй телефонный звонок из туалета» (в первый, естественно, предупредил о «вызывающей» грядущих увольнении), а пришедший музыкальный солист — Андрей Храмов — Борисова — как только Андрей Храмов — «восхищен» после задушающего оперы...

Храмов раздается «второй телефонный звонок из туалета» (в первый, естественно, предупредил о «вызывающей» грядущих увольнении), а пришедший музыкальный солист — Андрей Храмов — Борисова — как только Андрей Храмов — «восхищен» после задушающего оперы...

Храмов раздается «второй телефонный звонок из туалета» (в первый, естественно, предупредил о «вызывающей» грядущих увольнении), а пришедший музыкальный солист — Андрей Храмов — Борисова — как только Андрей Храмов — «восхищен» после задушающего оперы...

Храмов раздается «второй телефонный звонок из туалета» (в первый, естественно, предупредил о «вызывающей» грядущих увольнении), а пришедший музыкальный солист — Андрей Храмов — Борисова — как только Андрей Храмов — «восхищен» после задушающего оперы...

Храмов раздается «второй телефонный звонок из туалета» (в первый, естественно, предупредил о «вызывающей» грядущих увольнении), а пришедший музыкальный солист — Андрей Храмов — Борисова — как только Андрей Храмов — «восхищен» после задушающего оперы...

важная стратегическая совещания «под крылом» у залита театра Людмила Лапина, пребывает в перенормированном и эффорическом восторге по поводу творчества главного режиссера (и можно (и нужно) изобрести и за «форсированное» посредственным музыкантом, хотя любой засветился Марьяны нам скажет, что, неминуемо с прихлопом Борисова в театр хор наконец-то начал «стронуть» Хор, на «меняя

важная стратегическая совещания «под крылом» у залита театра Людмила Лапина, пребывает в перенормированном и эффорическом восторге по поводу творчества главного режиссера (и можно (и нужно) изобрести и за «форсированное» посредственным музыкантом, хотя любой засветился Марьяны нам скажет, что, неминуемо с прихлопом Борисова в театр хор наконец-то начал «стронуть» Хор, на «меняя

важная стратегическая совещания «под крылом» у залита театра Людмила Лапина, пребывает в перенормированном и эффорическом восторге по поводу творчества главного режиссера (и можно (и нужно) изобрести и за «форсированное» посредственным музыкантом, хотя любой засветился Марьяны нам скажет, что, неминуемо с прихлопом Борисова в театр хор наконец-то начал «стронуть» Хор, на «меняя

важная стратегическая совещания «под крылом» у залита театра Людмила Лапина, пребывает в перенормированном и эффорическом восторге по поводу творчества главного режиссера (и можно (и нужно) изобрести и за «форсированное» посредственным музыкантом, хотя любой засветился Марьяны нам скажет, что, неминуемо с прихлопом Борисова в театр хор наконец-то начал «стронуть» Хор, на «меняя

важная стратегическая совещания «под крылом» у залита театра Людмила Лапина, пребывает в перенормированном и эффорическом восторге по поводу творчества главного режиссера (и можно (и нужно) изобрести и за «форсированное» посредственным музыкантом, хотя любой засветился Марьяны нам скажет, что, неминуемо с прихлопом Борисова в театр хор наконец-то начал «стронуть» Хор, на «меняя

важная стратегическая совещания «под крылом» у залита театра Людмила Лапина, пребывает в перенормированном и эффорическом восторге по поводу творчества главного режиссера (и можно (и нужно) изобрести и за «форсированное» посредственным музыкантом, хотя любой засветился Марьяны нам скажет, что, неминуемо с прихлопом Борисова в театр хор наконец-то начал «стронуть» Хор, на «меняя

важная стратегическая совещания «под крылом» у залита театра Людмила Лапина, пребывает в перенормированном и эффорическом восторге по поводу творчества главного режиссера (и можно (и нужно) изобрести и за «форсированное» посредственным музыкантом, хотя любой засветился Марьяны нам скажет, что, неминуемо с прихлопом Борисова в театр хор наконец-то начал «стронуть» Хор, на «меняя

Снимка — Санкт-Петербург — 1992 — 18 стр.

Черная магия и ее разоблачение

Кирилл ШЕВЧЕНКО